

ПРОЛОГ. 1916 год

Война слишком важное дело,
чтобы доверять ее военным.

Жорж Клемансо

На второй вечер после приезда на линию фронта не только одиночные выстрелы из германских или из русских окопов, но даже редкие пулеметные очереди с обеих сторон уже перестали восприниматься присяжным поверенным Николаем Платоновичем Карабчевским как нечто особенное и заслуживающее внимания. Он только вздрагивал еще и непроизвольно втягивал голову в плечи, когда от какого-нибудь недалекого разрыва артиллерийского снаряда вдруг начинал дребезжать подстаканник или раскачивалась керосиновая лампа под потолком.

Говоря по совести, вид он имел не особо воинственный и в свои шестьдесят пять лет привык исключительно к грому аплодисментов восторженной публики в залах суда. Николай Платонович был многолетним председателем Петроградского Совета присяжных поверенных, по праву считался в России одним из самых выдающихся судебных ораторов и общественных деятелей присяжной адвокатуры, а после начала войны стал еще и председателем комиссии по расследованию германских зверств. Заслуженную известность он приобрел также на литературном поприще: помимо нескольких сборников статей и очерков, а также выступлений на политических и уголовных процессах, Николай Платонович когда-то опубликовал нашумевший роман «Господин Арсков» и весьма любопытную книгу собственной беллетристики разного рода под общим названием «Приподнятая завеса». Поговаривали даже, что, получив диплом университета, он первоначально и вовсе

намеревался стать именно писателем. И, только получив из «Отечественных записок» отказ по поводу своей драмы «Жертва брака», пришел к выводу, что теперь для него «не остается ничего, кроме адвокатуры...».

Как бы то ни было, вот уже многие годы подряд его судебные речи печатались в русских газетах и даже переводились на иностранные языки. Он добился оправдания почти безнадежно уличенных в убийстве Ольги Палем и братьев Скитских, предрешил оправдательные приговоры по нашумевшему «Мултанскому делу» и по делу Бейлиса. Благодаря усилиям и мастерству присяжного поверенного Карабчевского осужденному на смертную казнь террористу Гершуни царь заменил виселицу каторгой, и тогда же сумел избежать смертной казни революционер Созонов...

— Не беспокойтесь, любезный Николай Платонович! До ближайшей позиции неприятеля тут, почитай, не меньше восьми верст будет...

Собеседником председателя Петроградского Совета присяжных поверенных в этот морозный декабрьский вечер тысяча девятьсот шестнадцатого года был его давний знакомый и коллега Павел Николаевич Переверзев. У него были обветренное непогодой, загорелое лицо, подвижная, сухощавая фигура и настоящая военная выправка, выработанная за время командования Передовым Санитарным отрядом имени Петроградской адвокатуры. Френч Переверзева, защитного цвета без знаков различия и погон, украшал орден Святого Станислава 3-й степени с мечами¹.

Совсем недавно Павлу Николаевичу исполнилось сорок пять лет. До войны он специализировался на защите по уголовным делам, однако участвовал и в политических процессах — да так деятельно, что успел посидеть в Петропавловской крепости

¹ В Первую мировую войну из среды адвокатского сословия на действительную военную службу были призваны 102 присяжных поверенных и 173 помощника присяжных поверенных, из которых, по сведениям на октябрь 1915 года, пятеро человек были убиты, четверо стали георгиевскими кавалерами, пятнадцать оказались в плену.

под арестом, а по распоряжению министра внутренних дел был даже выслан на три года в Архангельск.

Многим было известно, что присяжный поверенный Переверзев — активный масон и к тому же когда-то сам состоял членом партии социалистов-революционеров. Однако сейчас это уже не имело никакого значения. На войну Павел Николаевич отправился добровольцем, а в качестве начальника Санитарного отряда прославился своей энергией, находчивостью и бесстрашием — особенно во время последних отступлений русской армии, когда отряду приходилось все время следовать в арьергарде, чтобы подбирать раненых или слабых.

Дело свое он знал, и оно ему нравилось.

Да и вообще, по распространенному в прессе и в обществе мнению, с самого начала войны сословием присяжных поверенных овладело что-то вроде «патриотического энтузиазма». Причем этот энтузиазм выражался не только в определенном финансовом бремени, которое по своей воле наложили на себя адвокаты в пользу коллег, ушедших на фронт. Одним из главных мероприятий, осуществленных присяжными поверенными столицы, было открытие и содержание целиком за свой счет на Васильевском острове лазарета более чем на сотню кроватей для раненых. Официально лазарет назывался «Городской № 17 лазарет присяжной адвокатуры Округа Петроградской Судебной палаты для раненых воинов», так что деятельностью его руководила специальная «Лазаретная комиссия» с тремя подкомиссиями. Открытие лазарета состоялось 1 октября 1914 года, а уже на следующий день в него поступила первая партия раненых воинов. По отзывам современников, всех прибывших «отлично лечили, кормили и вообще баловали всем чем могли, устраивая на Рождество елку, а в праздники концерты и чтения». Разумеется, петербургские адвокаты также оказывали раненым бесплатную юридическую помощь.

Меньше чем за год работы лазарет принял около шестисот раненых и больных. В конце 1915 года в лазарет с осмотром прибыла инспекторская проверка Управления Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, которая

детально ознакомилась со всеми сторонами деятельности медицинского учреждения и нашла ее во всех отношениях образцовой...

Кроме лазарета Петроградским Советом присяжных поверенных был учрежден определенный денежный сбор, призванный поддержать семьи адвокатов, призванных в армию, а также выплачивались субсидии погибшим на фронте коллегам.

Но, разумеется, при всем этом самым достойным и ярким примером труда петербургских присяжных поверенных на благо Отечества оказалось формирование Передового санитарного отряда имени Петроградской адвокатуры, гостем которого сейчас был Николай Платонович Карабчевский. Отряд формировался на средства Совета присяжных поверенных, а также на средства самих адвокатов — например, единовременное пожертвование на эти нужды в размере пятнадцати тысяч рублей внес присяжный поверенный Александр Сергеевич Зарудный.

Отряд, состоявший не только из профессиональных медиков, но и из добровольцев — присяжных поверенных, работавших зачастую простыми санитарями, не раз в полном составе выходил к месту боя, бывал под огнем, нес потери и поэтому пользовался большим уважением среди армейских офицеров и нижних чинов...

— К тому же у нас, дорогой Николай Платонович, как вы сами изволили видеть, везде вывешены полагающиеся обозначения, — напомнил гостю Переверзев.

Да, конечно, большие полотнища и флажки — снежно-белые, с Красным Крестом — гость действительно видел на деревенских домах по соседству. Однако...

— Полковник что-то говорил вчера про газы...

— Не беспокойтесь, ветер нынче будет дуть в другую сторону.

Когда гость из столицы в первый раз осматривал расположение отряда, он обратил внимание на то, что вокруг жилых домов, конюшен и хозяйственных построек разложены заготовки костров из сухого валежника, древесной коры и прутьев. В своей наивности он поначалу решил, что это для тепла — на случай, если станет крепчать мороз. Однако сопровождающий

офицер из соседнего штаба пехотной дивизии с удовольствием просветил его:

— Нет, это на случай газовой атаки.

— Вот оно что! — удивился тогда Карабчевский. — Да разве сюда могут достигать ядовитые газы?

— В лучшем виде! Неприятельская позиция с трех сторон загибом идет, вон за тем лесом. Если ветер попутный, и не оглянешься, как носом почувешь... — пояснил тогда офицер. — Людям-то еще ничего, скомандуешь: «Морды в мешки!», то есть, пардон, маски надеть, — и готово дело! А вот лошадей, скотину и всякую живность только кострами и спасаем. Сегодня тянет ветер как раз оттуда... А германцы, черти, любят шутки шутить, на Христов праздник того и гляди сюрприз какой-нибудь преподнесут...

Николай Платонович после этого обеспокоился не на шутку и теперь постоянно держал под рукой специальную противогазную маску. Собственно, она и сейчас была рядом с ним, дополняя более чем скромную и по-военному простую обстановку, в которой пришлось принимать гостя Павлу Николаевичу.

Переверзев занимал единственную обитаемую комнату в покосившейся деревянной избе с огромной русской печкой и тремя небольшими окошками, выходящими в разные стороны. Загородка против самой печки отделяла от комнаты четвертое окно, так что получилось нечто вроде узенькой прихожей, которая служила также в качестве буфетной и уборной. Тут на полке стояли самовар и разная посуда, а на узкой скамье внизу были щетки для чистки одежды и амуниции, красовались большой жестяной таз с рукомоином и ведро с чистой свежей водой. Жилая комната с обязательными иконами в красном углу, обвешанная простыми ковриками и расшитыми полотенцами, казалась уютной и привлекательной. Из мебелировки имелись обеденный стол, невесть как попавший сюда венский стул с перевязанной ножкой, походный офицерский сундук и металлический ящик для документов, в котором хозяин хранил медицинский спирт, морфий, а также личный

браунинг — потому что какого-либо иного оружия тем, кто находится под защитой Красного Креста, иметь не полагалось.

Карабчевскому и его сопровождающему, присяжному поверенному по фамилии Мандельштам, были предоставлены в качестве спальных мест полевые носилки с больничными тюфяками, поставленные возле печки. Сам же Переверзев ночевал на своей походной раскладной кровати.

Мирно пахло только что нарезанной ветчиной и керосином из лампы. Отменный «шустовский» коньяк был разлит по стаканам для чая — потому что, хотя сухой закон мало кем исполнялся в Российской империи, положение собеседников все же обязывало их соблюдать определенные условности.

Политические вопросы уже в этот вечер не обсуждали — надоело. Тем более что здесь, всего в нескольких верстах от передовых позиций, к этому не располагали ни место, ни обстоятельства. Даже убийство пресловутого Гришки Распутина в Петрограде, хотя и было совсем еще свежей новостью, как-то мало заинтересовало фронт.

Сплетни, светские анекдоты и разговоры о дамах были не в характере и не в обычае собеседников — так что, право слово, не тратить же время на обсуждение модной в среде молодежи спортивной игры под названием «ножной мяч» или «английский футбол»? Поэтому гость и хозяин беседовали в основном о культурных событиях в далеком тылу.

— Еще раз спасибо особенное вам за книги. — Павел Николаевич протянул руку к еще не развязанной пачке, стоявшей у изголовья кровати.

— Не стоит благодарности, право слово! Почти все, что заказывали, удалось найти. Ну, и взял на себя смелость еще подобрать кое-что, на свое усмотрение...

Председатель Петроградского Совета присяжных поверенных привез в подарок для сотрудников отряда к Рождеству теплое белье, мыло и туалетные принадлежности, сахар, чай, махорку, некоторое количество сладостей, а для врачей и офицеров сверх того — приличные папиросы, шоколад и прочие приятные вещицы.

— Да у вас тут у самого неплохая библиотека...

В сущности, деревянная книжная полка была едва ли не единственным предметом, если можно так выразиться, роскоши из всей окружающей обстановки. Карабчевский заметил уже на ней сборник новых рассказов писателя Куприна, толстый том Леонида Андреева, а также стихи таких модных, но все еще спорных столичных поэтов, как Александр Блок, Зинаида Гиппиус и Владимир Маяковский. Русская классика была представлена, как полагается, сочинениями мудрого графа Толстого, язвительного Салтыкова-Щедрина и постоянно озлобленного на весь окружающий мир Достоевского. Остальные издания, за исключением, пожалуй, замечательного исследования господина Арсеньева «Критические этюды по русской литературе», свидетельствовали, скорее, о случайном характере их появления здесь, чем о предпочтениях хозяина...

— Ну о чем вы говорите, Николай Платонович... — В это время присяжный поверенный Переверзев как раз дотянулся до стопки у изголовья кровати, аккуратно разрезал бечевку и взял в руки первую из привезенных гостем книг: — Неужели Билибин? Вот это подарок!

— Как вы просили...

Скончавшийся несколько лет назад Виктор Викторович Билибин был когда-то их общим коллегой, присяжным поверенным, однако же подлинную известность приобрел в качестве литературного пародиста, сатирика и одного из основателей нового жанра — так называемой социальной фантастики. В 1906 году он написал пьесу-фарс «Женщины на Марсе», в которой земляне обнаруживают на Красной планете «домострой наоборот»: обществом управляют представительницы прекрасного пола, за ними же закреплено право на образование. Почти сразу же это издание стало библиографической редкостью, и даже Карабчевский не без труда нашел его через знакомых букинистов.

— А вот это вам, Павел Николаевич, велено передать от наших общих знакомых...

Следующей из книг в пачке оказался стихотворный сборник «Избранные произведения» присяжного поверенного округа Петроградской судебной палаты Анатолия Николаевича Кремлева — с дарственной надписью автора. Не отрываясь от юридической практики, Анатолий Николаевич выступал на петербургских частных сценах в ролях шекспировского репертуара и достаточно много публиковался в литературных журналах.

— С большим удовольствием прочитаю!

Разумеется, это было еще далеко не все. Очередную книгу своих стихов «Старые боги», изданную еще перед самой войной, подписал Переверзеву с самыми искренними пожеланиями и присяжный поверенный Владимир Александрович Мазуркевич.

— Ах, ну, как же, конечно... — Павел Николаевич прикрыл глаза и тихонько напел:

«Дыша-ала ночь восто-оргом сладостра-астья...»

В свое время присяжный поверенный Мазуркевич печатался много и пользовался большой популярностью, некоторые из его стихов были положены на музыку и стали романсами.

— Право слово, не знаю, как вас благодарить! — растрогался Павел Николаевич и на правах хозяина разлил коньяк.

Переверзев и гость его с удовольствием выпили, закусили и принялись вспоминать знаменитую «Бродячую собаку» — литературное кабаре, в котором оба достаточно часто бывали перед войной.

После этого разговор сам собой затронул литературные увлечения петербургских присяжных поверенных и их вклад в развитие великой отечественной культуры. Недаром же энциклопедические словари в дорогих переплетах, как правило, причисляют господ адвокатов к людям свободных профессий наряду с литераторами, журналистами, музыкантами и художниками. Потому что сословие это — такая же полноправная и полноценная часть русской творческой интеллигенции, как и все остальные.

К сожалению, с этим были согласны не все — и далеко не всегда.

Федору Михайловичу Достоевскому, например, при упоминании о присяжных поверенных слышалось «народное словцо» о том, что адвокат, дескать, — это «нанятая совесть». И что он «никогда не может действовать по совести, не может не играть своей совестью, если б даже и хотел не играть, что это уже такой обреченный на бессовестность человек...»

Не понимал и недолюбливал «законников» также граф Толстой — возможно, из-за того, что и сам Лев Николаевич когда-то попробовал выступить в роли защитника на военном суде, проиграл дело и окончательно утвердился в категорическом отрицании смертной казни. Но почти невозможно представить, насколько непривлекательным и несимпатичным представлял образ присяжного поверенного в произведениях некоторых поэтов.

*И содрал гонорар неумеренный,
Восклицал мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин», —*

возмущался Николай Алексеевич Некрасов.

*Адвокат толкует: «Куш сорву я крупный;
Только бы попался мне субъект преступный», —*

вторил ему поэт-сатирик Дмитрий Минаев.

Не отставал от коллег по перу автор популярных трепетных романсов, друг Петра Ильича Чайковского — и сам, кстати, бывший правовед — Алексей Апухтин:

*Злы у вас судьи, но злей адвокаты;
Редко кто чешется: все демократы!*

Постоянно — по поводу и зачастую без повода — критиковали присяжных поверенных такие уважаемые в обществе издания, как «Отечественные записки», «Неделя», «Голос», «Русские ведомости», а журнал «Дело» и вообще дошел до того, что молил Бога «избавить нас от саранчи и адвокатов».

Это было чертовски обидно и несправедливо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ. 1916 год	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. 1926 год	21
ГЛАВА ВТОРАЯ. 1936 год	40
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. 1946 год	63
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. 1956 год	82
ГЛАВА ПЯТАЯ. 1966 год	101
ГЛАВА ШЕСТАЯ. 1976 год	120
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. 1986 год	139
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. 1996 год	157
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. 2006 год	175
ЭПИЛОГ. 2016 год	194